

Yánchéng Tàishòushēng

— Руки прочь! Не смей вольничать! Цзян Чжиюй, отпусти! Я хочу спать один! Не желаю спать с тобой!

Крошечный Лу Ао был завёрнут в одеяло, руки и ноги спелёнуты тканью, словно он был засунут в мешок, и торчала лишь одна кругленькая головка.

Он отчаянно вырывался, но Цзян Чжиюй с лёгкостью прижимал его обратно к себе.

— Аоао, не стесняйся. Если папа будет спать с тобой, он похлопает тебя по спинке и споёт усыпляющую песенку...

— Какую песню?! — Лу Ао остолбенел.

— Ой-ой, колыбельную, колыбельную. Прости, ляпнул.<sup>1</sup>

Примечание 1: Сначала Цзян Чжиюй говорит 安眠曲 (ānmíánqǔ) - это выражение звучит медицински/технично, как термин для терапии сна. После вопроса Аоао он поправляется на 摇篮曲 (suīmiánqǔ) - бытовое название для колыбельной.

Вот это уже ближе к истине. Лу Ао-то подумал, что Цзян Чжиюй задумал его вырубить.

— Но даже так — всё равно не хочу! — Лу Ао опомнился и сменил тактику. Он обратился к Лу Синьюаню: — Лу Синьюань! Вы же супруги! Вам двоим следует спать вместе! Забери свою вторую половинку!

Пусть ваш брак и договорной, да и чувств, кажется, особых нет, но спать-то вместе можете!

Лу Синьюань и без того был не в восторге от ситуации. Услышав это, он поддержал:

— Сяо Юй, я считаю, нам следует воспитывать в Лу Ао самостоятельность.

— Верно! — поддакнул Лу Ао.

— Но не во время его болезни, — возразил Цзян Чжиюй с полной серьёзностью. — Врач же сказал: родитель должен ночевать с ним рядом. А если он снова начнёт ночью метаться и биться обо всё? Что тогда?

Лу Ао поспешно торжественно поднял ручонку:

— Клянусь, этого не будет!

— Клятва не властна над болезнью, — твёрдо парировал Цзян Чжиюй. — Сегодняшнюю ночь ты проводишь со мной!

В этом доме Цзян Чжиюй обладал непререкаемым авторитетом, а потому в итоге Лу Ао всё же был уложен в постель.

Он лежал на спине, укрывшись одеялом, крепко сжимая край одеяла и прикрыв им половину личика. Видны были лишь пара глаз, лишённых всяких эмоций.

Как унижительно... Как же унижительно. Величественный босс в три с половиной года — и его силой укладывают спать с папой!

Завтра он непременно проснётся на рассвете и ни за что не позволит третьему человеку узнать об этом позоре.

Погодите...

Взгляд Лу Ао упал на Лу Синьюаня.

Вот же он, третий человек! Он уже в курсе... Значит, нельзя допустить четвёртого...

В этот момент за дверью раздался стук и голос дедушки Чжана:

— Господин Цзян, господин Лу, медсестра просила напомнить: время позднее. Вам и юному хозяину пора спать. Если что — звоните в звонок.

Четвёртый человек: дедушка Чжан.

Пятый человек: дежурная медсестра.

У Лу Ао словно ком в горле встал.

Почему весь мир узнал, что сегодня он спит с папой?!

— Хорошо, — отозвался Цзян Чжиюй за дверь, затем приподнял одеяло и улёгся рядом с Лу Ао.

Лу Синьюань, стоя у кровати, наклонился, протянул руку и нежно погладил Цзян Чжиюя по голове:

— Спокойной ночи, сяо Юй.

Цзян Чжиюй сиял улыбкой, глаза его изогнулись лунными серпиками:

— Спокойной ночи.

В следующее мгновение Лу Синьюань наклонился ещё ниже, взял лицо Цзян Чжиюя в ладони и оставил нежный поцелуй у него на лбу.

Лицо Цзян Чжиюя мгновенно залилось румянцем до самых ушей, казалось, вот-вот пойдёт паром. Он приглушил голос, произнося каждое слово отчётливо и с нажимом:

— Лу. Синьюань. Что. Ты. Творишь?

Лу Синьюань изобразил невинность:

— Сяо Юй, это ты меня учил: сказал «спокойной ночи» — обязан вручить поцелуй на ночь.

— Но Аоао же тут рядом! Неужели нельзя проявить гибкость?!

— Ты тогда сказал: «Даже если небо рухнет — поцелуй должен быть вручён!»

— Я такое говорил?!

— Говорил.

«Ну просто невыносимы эти двое!» — Лу Ао нахмурил личико и отвернулся.

Позади Лу Ао Лу Синьюань добавил:

— Я буду в соседней палате. Если что-то случится — зови. Если Аоао ночью начнёт буяннить — поменяемся, я приду к нему.

Цзян Чжюй, всё ещё с пылающими щеками, подтолкнул его:

— Понял, давай уже проваливай!

Лу Ао, продолжая лежать спиной к ним, вцепился в одеяло и зарылся в него с головой. Ну сколько можно болтать? Довели малыша!

Вдруг он услышал, как Лу Синьюань зовёт его:

— Лу Ао?

Лу Ао инстинктивно обернулся и, увидев, что Лу Синьюань смотрит прямо на него, торопливо вскинул ручонки и изо всех сил прикрыл ими лицо.

Т-ты... ты и не думай меня целовать! Мне не нужен никакой поцелуй на ночь!

Пусть я и твой сын, родной кровинушка, но целоваться — ни-ни!

Лу Синьюань, кажется, прочёл его мысли по глазам. Он нахмурился и протянул к нему руку.

Лу Ао отпрянул назад.

Не подходи! Я тебя укушу!

Тук! — раздался лёгкий звонкий щелчок.

Лу Синьюань отвесил ему лёгкий щелбан:

— Спи спокойно ночью, не ворочайся. Если что-то случится — тихонько разбуди папу или приходи ко мне. Запомнил?

Жёнушка душистая — надо поцеловать.

Сынок докучливый — целовать неохота. Позвал его лишь для наставления.

Лу Ао, с руками на макушке, застыл на месте.

Цзян Чжюй рассмеялся, притянул Лу Ао к себе:

— Не горюй. Большой папа тебя не целует — так папа поцелует!

— Не надо! — Лу Ао завертелся коротеньким тельцем и выскользнул обратно под одеяло.

Лу Ао настроился на сон. Отцы перекинулись парой фраз — и Лу Синьюань вышел. Щёлк-щёлк — свет погас. Дверь открылась и закрылась.

В палате воцарилась кромешная тьма, остались лишь Цзян Чжюй и Лу Ао — отец и сын. Лу Ао вытянул ручонку, воздвигнув барьер между ними. Вот вам река Чу и преграда Хань — никто не

смеет переступить!2

Примечание 2: 不可逾越: китайская идиома, отсылающая к древней границе между враждующими царствами Чу и Хань. В современном языке означает четкую демаркационную линию, которую нельзя пересекать.

Но в следующее мгновение Цзян Чжуй проигнорировал границу и снова притянул его к себе. Едва Лу Ао начал вырываться, как услышал непререкаемое:

— Малыш обязан спать вплотную к папе. Будешь вырываться — позову большого папу спать вместе. Койка-то широкая — втроём ужмёмся, да поместимся.

Лу Ао помолчал мгновение, затем покорно улёгся.

— Спи.

Лу Ао лежал на спине. Цзян Чжуй — на боку, одна рука покоилась на его маленькой груди. Тепло, исходившее от отцовской ладони, было таким уютным и успокаивающим.

В комнате царил тишина — лишь шелест занавески от ветерка да ровное, размеренное дыхание Цзян Чжуй. Лу Ао приподнял голову. При лунном свете разглядел мирный профиль спящего отца. Говорил, будет со мной бодрствовать — а сам первым свалился!

Он повертелся немного, приник к груди Цзян Чжуй и закрыл глаза.

Этой ночью Лу Ао спал необычайно крепко.

Под утро он вдруг ощутил, как температура тела поползла вверх. Кошмар прошлой ночи готов был повториться — он вот-вот превратится в маленький пельмешек. И когда его уже готовились швырнуть в кипящий котёл, чья-то рука подхватила его, спасла, протёрла шею и спинку прохладной салфеткой и наконец подоткнула за воротник пижамы мягкий хлопковый платочек.

Жар отступил. Лу Ао погрузился обратно в сон.

Кажется, он что-то почувствовал. Уткнувшись в грудь Цзян Чжуй, раскрыл ротик и выпустил два пузыря слюнок.

Пузыри лопнули, издав «ба-ба» — будто звали...

...Па-па.

Обращение, не произнесённое вслух в реальности, Лу Ао в своих снах выкрикивал изо всех сил.

\*\*\*

На следующее утро, семь часов.

Цзян Чжуй просыпался ночью — вместе с Лу Синъюанем они обтирали Лу Ао, переодевали и подкладывали платочек. Поэтому утром он спал особенно крепко и беззаботно.

Он раскинулся на постели звёздочкой, беззастенчиво развалившись в сладком сне.

К счастью, больничная койка была достаточно просторной, чтобы благополучно пережить его

вольности.

Лу Ао же лежал с безупречной аккуратностью: на спине — ручки сложены на животике, на боку — ручки и ножки изящно переплетены.

Внезапно Цзян Чжияй перевернулся, машинально взмахнул рукой — и ладонь шлёпнулась Лу Ао на попку.

Дун-дун! От этих двух пружинистых шлепков Лу Ао открыл глаза.

Кто?! Кто посмел потрогать его... его достоинство?!

А, это папа... ну тогда ладно...

Не ладно! Даже папе нельзя!

Лу Ао резко пришёл в себя, изо всех сил оттолкнул руку Цзян Чжияя. Но та тут же вернулась, да ещё и крепко ущипнула!

Надоеда! Убирайся!

Лу Ао сел, убрал папину руку.

Как раз в этот момент Лу Синъюань вошёл в палату:

— Это ты что делаешь? Пристаёшь к папе?

— Это он ко мне пристаёт! — громко оправдывался Лу Ао. — Он щипает мне попу!

— Малышу попу на что растили? Чтоб папа щипал! И ничего в этом такого! — из-под одеяла самоуверенно прозвучал голос Цзян Чжияя.

Но ответа Лу Ао он не дождался. Вместо него раздались «пи-пи-пип!» и скрипящие звуки подпрыгивающей подошвы.

Лу Ао сбежал!

На бегу из-под его пижамы выпал маленький платочек, который Лу Синъюань ловко подхватил.

Цзян Чжияй послал Лу Синъюаню воздушный поцелуй, зевнул и плюхнулся обратно на кровать, чтобы доспать утреннюю сиесту.

\*\*\*

Десять утра.

Лу Ао, следуя утреннему ритуалу, сидел на больничной койке и смотрел новости. Оба отца составляли ему компанию.

— «Президент Банана вновь прибыл в Китай...»

— Лу Синъюань, как же скуучно, — Цзян Чжияй, обняв подушку, повалился на диван. — Уже третий день подряд! Туда-сюда мечется этот президент Банана. Позавчера — с визитом, вчера

— домой уехал, сегодня — понял, что что-то забыл, и снова примчался. Хватит мне о нём слушать!

Лу Синьюань погладил его по волосам, тихо предложил:

— Может, подадим жалобу на телеканал?

Цзян Чжюй широко зевнул:

— Да ладно уж, не стоит.

В этот момент раздался «тук-тук» в дверь.

За ним последовал голосок малыша, нарочито напряжённо-важный:

— Дядя Цзян, дядя Лу, вы дома? Аоао, ты тут?

Цзян Чжюй вмиг оживился, подскочил с дивана:

— Это сяо Бай? Заходи, заходи! Аоао, хватит пялиться на своего «Банану»! Сяо Бай к тебе пришёл. Ты же вчера ему обещал. Маленькие джентльмены держат слово!

— Знаю, — отозвался Лу Ао, отведя взгляд от телевизора.

Цзян Чжюй подошёл и открыл дверь палаты.

Одного взгляда хватило, чтобы вся семейная троица остолбенела.

Цзян Чжюй: О-О

Лу Синьюань: 0-0

Лу Ао: о-о

Юный главный герой был облачён в белоснежную рубашку и строгие чёрные брючки. На шее алел миниатюрный бабочка-галстук.

В ручонке он важно нёс коробочку для завтрака. На лице его сияла безупречно-вежливая улыбка. Он церемонно поклонился:

— Доброе утро, дядя Цзян, дядя Лу. Доброе утро, Аоао! Я — Гу Бай. Впервые переступаю ваш порог, исполненный радостного волнения и светлых надежд! Лелею мечту завоевать ваше расположение!

Э-э... То есть...

Цзян Чжюй перевёл взгляд с Гу Бая на Лу Ао.

Неужели в этом мире существует малыш, который пафоснее нашего Аоао?!

<http://bllate.org/book/13911/1225879>Главному злодею снова три с половиной года [ ] [ ]: Глава 17. Катание с горки

Yánchéng Tàishòushēng

Остолбенение.

Мёртвое остолбенение.

Затянувшееся до бесконечности остолбенение.

Гу Бай, крепко сжимая обеими ручками коробочку, стоял на месте. Его любопытный взгляд скользнул по лицам Цзян Чжюя и Лу Синъюаня, наконец остановившись на Лу Ао.

Вот это да, одна семейка — одно лицо! Выражения у Аоао и его пап — как под копирку.

Вот бы и нам с большим папой и папой так синхронизироваться... Погодите!

Гу Бай вдруг что-то сообразил. Его улыбка постепенно застыла.

Неужели они... презирают его?

Нет-нет! Пусть только не презирают!

Что он сделал не так? Он сейчас же исправится!

Он просто хотел поиграть с Аоао, он не сделал ничего дурного...

Чем больше он об этом думал, тем больше ему хотелось плакать. Он уже готов был скорчить плаксивую мину, когда Цзян Чжюй наконец очнулся.

Цзян Чжюй взмахнул рукой и шлёпнул по лбу обоих Лу — отца и сына — велел убрать невежливые физиономии.

Он шагнул вперёд, распахнув объятия:

— Добро пожаловать! Добро пожаловать, сяо Бай!

Гу Бай вскинул голову с надеждой, в глазах вновь зажглись огоньки.

Цзян Чжюй присел перед ним на корточки, увидел коробочку в его ручонках и осветил его ласковой улыбкой:

— Это те самые кексики, о которых говорили вчера? Ты и правда принёс Аоао угощение?

Гу Бай усердно закивал:

— Да! Мы с большим папой их вместе готовили!

— А где же твой папа и большой папа? Они не пришли с тобой?

— Папа уехал на работу. А большой папа... — Гу Бай почесал затылок, бросив им неловкую, но вежливую улыбку, — ...большой папа сказал, что я «позёр», и отказался со мной идти.

Сказав это, он инстинктивно оглянулся в коридор за дверью палаты. Цзян Чжюй последовал его взгляду и увидел в дальнем конце коридора большого папу Гу Бая — Чжоу Шо. Тот стоял, скрестив руки на груди, и наблюдал за происходящим издали.

Заметив, что на него смотрят, Чжоу Шо поспешно прикрыл лицо руками, резко развернулся и, казалось, силился провалиться сквозь пол.

Он тоже считал наряд Гу Бая неуместным. Но удержать его не смог. Осталось лишь держать дистанцию и делать вид, будто они незнакомы.

Тут Лу Синьюань поднялся, Лу Ао спрыгнул с кровати. Оба подошли к Цзян Чжиюю.

Семейная тройка выстроилась у двери по росту — от самого высокого к самому маленькому — и пристально уставилась на Чжоу Шо.

Следующее мгновение — и семья не сдержала дружного смеха:

— Пффф!

Чжоу Шо услышал их смех, обернулся и, сжав кулаки, погрозил им издалека. Заткнитесь! Посмели гурьбой насмеяться над большим папой-авторитетом юного главного героя! Вот уж воистину наглое семейство злодеев!

Лу Ао первым опомнился, встал, заслонив собой папу и большого папу.

Не смейте их трогать! Все претензии — ко мне!

Цзян Чжиюй усмехнулся, отвёл взгляд, взял Гу Бая за плечи и мелкими шажками ввёл его в палату:

— Сяо Бай, твой большой папа просто хочет побыть снаружи. Заходи, поиграй с Аоао.

— Конечно! Конечно!

Так юный главный герой, бросив собственного стыдящегося большого папу, шагнул в логово семейства злодеев.

Успешная операция «Умыкание Главного Героя»! Счёт побед злодейской семьи пополнился ещё одним очком!

\*\*\*

Цзян Чжиюй принёс два мягких пуфика и поставил их на свободное место перед журнальным столиком. Два малыша уселись рядом на пуфиках, словно два скатанных в шарики комочка пластилина, прилипшие к полу.

Гу Бай открыл принесённую коробочку и достал два белоснежных кексика, протянув один Лу Ао:

— Держи, Аоао, кексик, как договаривались. Большой папа спрашивал у врача — врач разрешил чуть-чуть.

— Благодарю, — с достоинством ответил Лу Ао.

— Не за что.

Увидев, что им нечем запивать лакомство, Лу Синьюань разогрел молока, налив каждому по чашечке.

Кексик да чашка молока — вот и весь второй завтрак для малышей.

Лу Ао аккуратно расправил свой слюнявчик с ягнёнком Лань Яном, заправил его за воротничок, взял ложку с травяным тортиком и отломил ей кусочек кекса.

Гу Бай наблюдал за ним, тоже поднял ручки и поправил свой маленький галстук-бабочку на шее.

Элегантность. Благородство. Утончённость.

— Аоао, тебе нравится зелёные тортики? В следующий раз я попрошу большого папу приготовить тебе.

— Благодарю, но не люблю. Это просто ложка, которую мне купил Цзян... — Лу Ао поправился, — ...мой папа.

Цзян Чжуйюй, скрестив руки на груди, склонил голову набок и внимательно разглядывал их обоих. Действия этих двух малышей не то чтобы были похожи — они были идентичны. Неужели они тайком от родителей записались в одну и ту же школу западного этикета?

В этот момент Гу Бай поднял свою чашечку с молоком:

— Дядя Цзян, мне кажется, молоко недостаточно сладкое. Можно добавить сахарку?

— Хорошо...

Цзян Чжуйюй очухался и уже потянулся за чашкой, но Лу Синъюань остановил его руку:

— Нельзя. Вы оба ещё болеете. Никакого лишнего сахара.

— Ладно, — Гу Бай грустно опустил глаза и убрал ручонку.

Лу Ао взглянул на него:

— Сначала откуси кекса, потом сразу же сделай глоток молока — и смешай их во рту.

— А как смешать? — Гу Бай хлебнул молока, но проглотил, не успев смешать. — Не умею я так.

— Закрой рот и трясись головой что есть мочи!

Гу Бай послушно выполнил. Тряхнул один раз, второй — и вдруг его глаза загорелись. Он проглотил смесь:

— Аоао, ты такой умный!

Лу Ао выпятил грудь:

— Ещё бы! Я же трёхлетний вундеркинд!

Куда до него простому главному герою!

Цзян Чжуйюй вздохнул. Ладно уж. Похоже, оба не блещут интеллектом.

Когда малыши расправились с кексами и молоком, утренние новости тоже подошли к концу.

Цзян Чжуйюй выключил телевизор, выкатил чемодан с игрушками и спросил:

— Во что хотите поиграть? Тут есть пазлы, кубики, плюшевые зверюшки... Может, в дочки-матери?

Лу Ао, сжав кулачки, мужественно поднял голову:

— Тогда я буду папой!

Цзян Чжюй подавился воздухом:

— Твой папа не участвует в игре.

— Тогда я не играю!

Гу Бай поднял ручонку, громко объявив:

— Я знаю одно местечко в больнице — там очень весело! Я могу вас проводить!

Он схватил Лу Ао за руку и поднялся с пуфика.

— Не тяни меня!..

Не дав договорить, Гу Бай потянул его за собой и пустился бежать.

Проклятый Гу Бай! Оказался сильнее! Да он прямо бык!

Два малыша понеслись вперёд, а Цзян Чжюй устремился вдогонку:

— Только поели — бегать нельзя! Стойте!

Лу Ао, услышав папу, упёрся как в игре в перетягивание каната, изо всех сил сдерживая Гу Бая. Цзян Чжюй наконец настиг их:

— Надо идти спокойным шагом, не спеша. А то животик заболит.

— Простите, я забыл, — Гу Бай почесал затылок и сбавил темп.

Цзян Чжюй предполагал, что «интересное местечко» Гу Бая окажется каким-нибудь процедурным кабинетом или закоулком садика на первом этаже.

Каково же было его удивление, когда Гу Бай привёл их на пятый этаж детского отделения.

Здесь оказался целый мини-детский парк развлечений! Горки, качели-балансиры, сухие бассейны с шариками — всё что душе угодно!

Прожив в больнице несколько дней, Цзян Чжюй впервые узнал о таком месте.

Наверное, врачи, видя, что Аоао болеет серьёзно, опасались, что он, чуть окрепнув, помчится сюда играть и случится рецидив, поэтому специально не сказали.

Цзян Чжюй потрогал лобик Лу Ао, убедился, что тот бодр, и разрешил ему с Гу Баем поиграть двадцать минут. Малыши рванули внутрь. Цзян Чжюй остался присматривать за ними, попутно написав Лу Синъюаню, чтобы тот принёс Аоао платочек и поильник.

Они не планировали гулять, поэтому ничего не взяли — в отличие от большого папы Гу Бая...

Цзян Чжюй украдкой обернулся, взглянув на Чжоу Шо. Тот неотступно дежурил у палаты и, увидев, что Гу Бай вышел, конечно же, последовал за ними.

За спиной у него висел рюкзак, на шее болтался поильник — настоящий эталон подготовленности.

Чжоу Шо повернулся и встретился взглядом с Цзян Чжюем. Он выпрямил спину, бросил вызывающий взгляд и нарочито спросил:

— Чего уставился? Супер-папу в жизни не видел? Твой-то благоверный ничем не лучше!

Едва он закончил, как в конце коридора появился Лу Синъюань: в одной руке поильник, в другой — рюкзак:

— Дорогой, я пришёл.

Предсказание Чжоу Шо сбылось буквально за секунду. Цзян Чжюй не сдержал смеха. Лу Синъюань подошёл к нему, недоумённо спросив:

— Дорогой, что случилось?

Цзян Чжюй прикрыл лицо ладонью и, делая вид, что ничего особенного, отвернулся.

В этот самый момент Лу Ао и Гу Бай, толкаясь локтями, взобрались на вершину горки.

«Ш-ш-шурх!» — оба малыша съехали вниз одновременно.

Приземлившись, они мигом вскочили на ножки, готовые к новому заезду.

Но на втором заходе Лу Ао уселся поперёк входа в горку, отказываясь съезжать. Гу Бай легонько подтолкнул его:

— Аоао, давай же! Что ты застыл?

Лу Ао обернулся, деловито протянув руку:

— Я поиграл с тобой. Теперь дай свои часы.

Гу Бай опешил на секунду, но тут же вспомнил вчерашний уговор.

Он протянул левую руку, поднеся детские часы прямо к Лу Ао:

— На, держи.

— Снимешь?

— Нельзя! Если снять — завопит сирена! Это значит, меня похитили!

Выбора не было. Лу Ао ухватился за руку Гу Бая и пухлыми пальчиками принялся яростно тыкать в экран часов, выискивая нужные данные.

Первым делом он вбил в поиск: «Холдинг Лу». Пора оценить масштабы семейных активов.

Но поисковик выдал сплошную белиберду.

[Лу, фамилия, занимает ... место в «Ста фамилиях».]

[Цзитуань — общеупотребительное название холдинговой компании...]

Вероятно, в детские часы по умолчанию был встроены родительский контроль.

Но ведь империя «Холдинга Лу» раскинулась по всему миру! Невозможно же, чтобы о них не было ни строчки!

Лу Ао, стиснув зубы, попробовал забыть имена папы и большого папы.

В прошлой жизни, когда он тосковал по ним, будучи ребёнком, то прятался под одеялом с часами, выискивая в сети их биографии и карьерные достижения.

Но и тут — пустота. Имен Цзян Чжуня и Лу Синьюаня тоже не существовало в этом поиске.

Лу Ао обернулся, услышав за горкой голоса взрослых, и вбил «Чжоу Шо» и «Гу Юньфань».

Ведь Чжоу Шо — величайший бизнес-титан по сюжету книги! Неужели даже его...

Не нашлось.

Абсолютно ничего.

Если проблема не в часах... то в чём же? Неужели кто-то намеренно стёр их данные из сети? Кто обладает такой властью, чтобы удалить имена глав транснациональных гигантов?

Пока Лу Ао ломал голову, его взгляд столкнулся с сияющей улыбкой Гу Бая:

— Аоао, всё проверил? Поиграем теперь?

— Ладно.

Лу Ао отпустил его руку. Гу Бай наклонился и стёр историю поиска.

Лу Ао уселся впереди, Гу Бай пристроился сзади, уцепившись ручонками за его одежду. Два малыша, словно парочка кругленьких фрикаделек, дружно покатались вниз по горке.

<http://bllate.org/book/13911/1225880>Главному злодею снова три с половиной года [ ] [ ]: Глава 18. «Попрыгунчик»

Yánchéng Tàishòushēng

Вжжжух!

Лу Ао и Гу Бай один за другим съехали с горки.

Лу Ао, сохраняя бесстрастное выражение лица и опираясь руками на края горки, поджал свои коротенькие ножки и съехал с высоты, словно маленький император, вззирающий на свои владения!

Гу Бай же сидел позади него, вцепившись пальцами в его одежду, и широко раскрыв рот, пытался поймать налетающий ветер:

— Ууу!!! Ва-ва-ва!

Два малыша приземлились один за другим. Гу Бай врезался в спину Лу Ао, подтолкнув его вперёд, и их маленькие животики, словно железные, задрожали: дуэнь-дуэнь!

Лу Ао оглянулся и сердито уставился на Гу Бая: «Ты просто маленький тупица!»

Встретившись с этим явно презрительным взглядом, Гу Бай ничуть не обиделся. Он почесал затылок и продолжал глупо улыбаться:

— Аоао, давай ещё разок!

— Не хочу, — категорично отказался Лу Ао. — Ты всё время орёшь, это мне мешает.

— Ну тогда в этот раз я не буду орать, — весело предложил Гу Бай. — А ты попробуй тоже! Раскрой рот, когда съезжаешь с горки, ветер залетает внутрь, во рту становится прохладно, очень освежает!

Едва он это произнёс, как из-за ограждения донёсся голос Чжоу Шо:

— Прохладно? Гу Бай, ты что, вспотел? А ну-ка иди сюда!

Гу Бай поднял голову, изображая невинность:

— Нет же! Мне не жарко, я не потел.

— Я сказал — иди переодеться!

— А... — Гу Бай отозвался, затем обратился к Лу Ао: — Я отлучусь для смены облачения. Обожди немного, я сию минуту вернусь.

— Нельзя просто закончить? — Лу Ао не горел желанием продолжать.

— Нельзя! Мы лишь прокатились с горки, а на качелях-балансире ещё и не играли!

— Играй один.

— Балансир требует двоих! Причём примерно одинакового веса.

— Ладно... — Лу Ао сжал кулачки.

«Я — босс, чтящий договорённости! Я — человек слова, непоколебимый в обещаниях, изречённое мной не догонишь и на четвёрке коней! Я воспользовался его часами... Я терплю, терплю, ТЕРПЛЮ!»

В этот момент Цзян Чжиюй тоже позвал его:

— Аоао, и ты подойди. Папа проверит, не вспотел ли ты.

— Иду, — Лу Ао разжал кулаки, поднялся с пола и подошёл к Цзян Чжиюю.

— Горка понравилась? — спросил Цзян Чжиюй.

Лу Ао насупился, вытянул шею:

— Не понравилась! Слишком инфантильно!

Цзян Чжиюй рассмеялся, достал носовой платочек и накрыл им его лоб:

— Сам вытрешь. Весь в поту — и утверждает, что не нравится!

— И не нравится!

— Ладно, ладно, не нравится, — Цзян Чжиюй подыграл ему. — Папа и большой папа как раз планировали, когда ты поправишься, сводить тебя в огромный парк аттракционов — куда круче! Но раз не любишь — что ж, не судьба.

Лу Ао упёрся, задрал нос к потолку — ни за что не признает, что тайком наслаждался горкой.

В этот момент неподалёку раздался взволнованный вопль Гу Бая:

— Нельзя! Нельзя отменять! Аоао должен поехать! Аоао поедет со мной!

Чжоу Шо в панике рванул вперёд и схватил его, словно выскочившего поросёнка:

— Назад! Гу Бай, ты же голым пузом сверкаешь!

Рубашка и брюки Гу Бая были жёсткими и недышащими. Пот, запертый под тканью, причинял дискомфорт. Чжоу Шо собирался переодеть его в туалете у игровой зоны. Но он не ожидал, что Гу Бай, подслушав разговор Лу Ао с отцом, помчится сломя голову наружу!

Пока его тащили обратно, Гу Бай не умолкал:

— Папа Аоао, вы обязательно сводите его в парк! Я так мечтаю пойти с Аоао в парк! Умоляю вас!

Цзян Чжиюй, смеясь, крикнул в ответ:

— Договорились! Я его свожу!

— Спасибо! Благодар... ммх-мм-бббр!..

Чжоу Шо намертво зажал ему рот ладонью и уволок прочь.

Лу Ао прикрыл лицо платочком и отвернулся, не желая видеть этот цирк.

Какая досада! Чувствую, как моя зрелая душа тонет в океане инфантильности!

Взрослые переодели Гу Бая в удобные футболку и шортики, а Лу Ао подложили мягкий платочек под одежду, после чего отпустили играть дальше.

Малыши покачались на балансире, полетали на качелях и наконец, сняв ботиночки, уселись отдыхать в сухом бассейне с шариками.

Они сидели спина к спине, плечом к плечу, отвернувшись от взрослых за ограждением.

Лу Ао снова ухватился за руку Гу Бая, возобновив поиски на его часах. В его голове тикал невидимый таймер: он отыграл с Гу Баем десять минут — значит, Гу Бай должен одолжить часы ещё на десять.

Главный герой и злодей должны иметь чёткие границы: он не собирался пользоваться

слабостями Гу Бая, а Гу Бай пусть и не мечтает воспользоваться его слабостями.

Однако на этот раз Лу Ао сменил тактику: раз он не может найти информацию о группе компаний или о папе и большом папе, значит, он начнёт напрямую искать сегодняшние котировки акций! Жизнь малыша зависит от самого малыша, а не от небес!

Детские умные часы были очень неудобны, но он упорно продолжал и в итоге выбрал несколько акций.

Судя по новостям, которые он смотрел последние дни, и своему коммерческому чутью из прошлой жизни, он предсказывал, что эти акции в будущем обязательно взлетят до небес. Стоило ему сейчас купить немного — и о пенсии Цзян Чжиюя можно было не беспокоиться.

Покупать немедленно!

В следующее мгновение на экране высветилась информация для верификации личности, от чего у Лу Ао невольно округлились глаза.

Он частенько забывал, что сейчас он — трёхлетний ребёнок.

Трёхлетний ребёнок, бедный как церковная мышь, у которого самая ценная вещь на весь свет — это пищащие ботинки за десяток юаней.

Эх, мечты о бирже рухнули, оставалось лишь придумать другие способы разбогатеть с нуля.

Лу Ао вздохнул и отпустил руку Гу Бая.

Гу Бай, словно вечный двигатель, бездумно хватал шарики из сухого бассейна и швырял их куда подальше. Стоило выбросить один шарик — и на его место сразу прикатывалась целая куча других, это было невероятно весело.

Почувствовав, что его руку отпустили, Гу Бай тут же прекратил свои действия, повернулся и посмотрел на него:

— Аоао, что с тобой?

Лу Ао выпрямил спину, изо всех сил изображая уверенность:

— Я в порядке.

Он ни за что не покажет слабость перед заклятым врагом! В этом — его достоинство как малыша-дракона, владыки небес!

— Ты уже нашёл информацию? — спросил Гу Бай.

— Нашёл, — ответил Лу Ао.

Гу Бай поднял руку, предлагая:

— Тогда давай поиграем в «Попрыгунчик»!<sup>1</sup>

Примечание 1: «跳跳» (Tiào yī tiào) популярная мобильная игра-платформер, аналог «Doodle Jump».

Лу Ао сохранял каменное выражение лица:

— Я не прыгаю.

— Не мы прыгаем, а собачка в часах прыгает.

Так называемый «Попрыгунчик» на самом деле был встроенной игрой в детских умных часах.

Одна схематичная собачка-палочка прыгала по ущелью. Нажмёшь кнопку — прыжок. Если нажимать коротко — прыжок короткий. Если нажимать долго — прыжок дальний. Если собачка по неосторожности падала в ущелье — игра заканчивалась.

Лу Ао сыграл одну партию и быстро освоился.

Два малыша прижались друг к другу, нажимая кнопки по очереди и совместными усилиями заставляя собачку прыгать всё дальше.

— Аоао, тебе нравится «Попрыгунчик»?

— Не отвлекайся, — Лу Ао не отрываясь смотрел на экран.

— Окей, — Гу Бай закрыл рот, помолчал секунду и снова заговорил: — Мне кажется, играть веселее. Неважно, горка это, качели или «Попрыгунчик» — всё весело. Веселее, чем учиться игре на пианино, этикету, рисованию или угождать другим. И веселее, чем смотреть в твоих часах на эти красно-зелёные штуки<sup>2</sup>.

Примечание 2: Гу Бай имеет в виду биржевые графики.

Лу Ао нахмурил своё маленькое личико и поднял на него взгляд.

Гу Бай смотрел на него с искренним, чистым, серьёзным выражением.

Оба забыли про собачку в часах.

Лу Ао холодным тоном спросил:

— Что ты хочешь сказать? Что ты задумал?

Гу Бай лишь улыбнулся ему, поднял руки и осыпал себя сверху шариками из сухого бассейна:

— Я хочу, чтобы ты был счастлив! Я хочу, чтобы мы каждый день были счастливы!

Лу Ао сглотнул, промолчал и отвернулся.

Вот уж воистину — ни устремлений, ни амбиций. Непонятно, как он вообще стал главным героем.

Лу Ао не стал его удостаивать ответом, Гу Бай тоже замолчал.

Неизвестно, сколько времени прошло, когда собачка в часах вдруг негромким «Гав!» привлекла их внимание.

Увидев, что взгляд Лу Ао упал на часы, Гу Бай снова протянул их ему:

— Будешь играть дальше?

— М-м, — Лу Ао слегка кивнул и снова повернулся к нему, протягивая руку. — Давай сыграем.

— Я так и знал, что тебе нравится «Попрыгунчик»!

— Я просто привык доводить начатое до конца. Таков мой принцип.

— Окей.

— Сыграем только эту партию — и хватит.

...После чего они сыграли ещё три или четыре партии.

Только когда Цзян Чжиюй почувствовал неладное, подошёл ближе и присмотрелся, он обнаружил, что они тайком играют в мобильные игры на часах.

Тихий малыш — значит, пакости ищет3.

Примечание 3: "悄悄悄悄悄悄" (Zǎi zǎi jìng qiāo qiāo, bìdìng zài zuò yāo): Рифмованная народная поговорка, означающая, что если ребенок тих — он обязательно что-то затеял нехорошее.

— Во что это вы тут играете? Дайте и мне поиграть.

Тихий голос Цзян Чжиюя раздался неожиданно, и у обеих малышей руки дрогнули — собачка рухнула в ущелье, и игра была окончена.

— Папа!

— Дядя Цзян!

Оба одновременно возмущённо закричали.

— А? Погибла? — Цзян Чжиюй тоже не ожидал такого, тут же стал извиняться: — Простите, я виноват! Давайте новую партию, я с вами поиграю, хорошо? Обещаю, на этот раз побью рекорд!

Малыши переглянулись и в конце концов неохотно его приняли.

— Аоао первый, я второй, дядя Цзян третий.

Втроём они сгрудились, выстроились в очередь и начали играть.

На этот раз рекорд действительно был побит.

Игра закончилась, Цзян Чжиюй преувеличенно потянулся:

— Вау, играть так утомительно! Глаза аж болят! Вы разве не устали?

Лу Ао смотрел с немим укором: он снова притворяется.

Гу Бай ответил серьёзно:

— Совершенно не устал.

— Но я устал! Моя шкала выносливости совсем опустела! Давайте уберём часы, а как только я восстановлю силы — продолжим, договорились?

— Хорошо-хорошо! — радостно согласился Гу Бай.

— Значит, мы теперь команда! А товарищи по команде не бросают друг друга и не играют тайком, верно?» — Цзян Чжуй протянул к ним мизинцы. — Клятва на мизинчиках! Дальше играйте только со мной, договорились?

— Договорились!

Гу Бай, по-прежнему сияя простодушной улыбкой, клюнул на первую же удочку.

Цзян Чжуй повернулся к Лу Ао:

— Аоао, давай, командная клятва на мизинчиках!

Хитрый взрослый! Чтобы контролировать время игры на часах, придумал такую витиеватую уловку. Лу Ао надул губки, но в конце концов тоже протянул свой мизинчик.

— Замок! Крюк! Сто лет! Не меняй! Кто сменится — тот щенок!<sup>4</sup>

Примечание 4: 〇〇〇〇〇〇〇〇〇〇〇〇〇〇〇〇〇〇〇〇〇〇 — традиционная китайская детская рифмовка при клятве на мизинчиках.

Разобравшись с этим вопросом, Цзян Чжуй выловил обоих малышей из сухого бассейна:

— Уже поздно, пора домой отдыхать. Сяо Бай, пообедаешь с нами?

Гу Бай покачал головой:

— Не надо. Большой папа приготовит.

— Но он же ещё не готовил? А у нас дедушка Чжан уже всё приготовил, можно сразу садиться есть.

Гу Бай посмотрел на Лу Ао и заявил с полной серьёзностью:

— Но мы с Аоао договорились только поиграть вместе. О совместном приёме пищи мы не договаривались. Аоао меня не пригласил, я не могу просто так пойти.

Лу Ао тоже серьёзно кивнул:

— Верно.

Между малышами всегда существовали свои странные правила, и Цзян Чжуй не стал их оспаривать. Они вместе покинули детскую площадку и расстались в лифте.

Лу Ао вышел первым. Гу Бай помахал ему рукой:

— Аоао, пока-пока!

Лу Ао обернулся, тихонько сказал «Пока», и тут же отвернулся обратно.

Двери лифта закрылись, но голос Гу Бая ещё долго звучал в его голове: «Аоао, будь счастлив весь сегодняшний день!»

## 19. Совместный сон x2

Yánchéng Tàishòushēng

Вернувшись из детского игрового зала, Лу Ао ходил с недовольным и озадаченным видом.

Он нахмурил своё маленькое личико, скрестил ручки на груди и молча сидел на больничной койке, даже забыв посмотреть свои самые любимые новости.

Он размышлял:

— Почему в детских часах не найти имён папы и большого папы?

— Почему папа и большой папа Гу Бая совсем не похожи на тех, какими они были в прошлой жизни?

— Почему Гу Бай, будучи главным героем, так настойчиво хочет играть именно со мной и ещё желает мне каждый день быть счастливым?

Почему? Почему?

Мир после перерождения оказался миром, полным «Ста тысяч „почему“»!1

Примечание 1: «百问百答» (Shí wàn gè wèishénme — «Сто тысяч „почему“») — это название крайне популярной в Китае (и изначально советской) детской энциклопедии в формате вопросов и ответов, объясняющей различные явления природы, науки и техники.

Загадки следовали одна за другой, и Лу Ао со своим нынешним трёхлетним мозгом просто не мог во всём этом разобраться. У него не было даже малейшей зацепки.

Это чувство полной потери контроля было для него невыносимым.

Вдруг кто-то протянул руку и ущипнул его за пухлую щёчку.

— Аоао, о чём это ты задумался? Такой хмурый?

Лу Ао поднял голову и встретился с нежным взглядом Цзян Чжиюя.

Приближалось время обеда, и Цзян Чжиюй, задавая вопрос, одновременно открывал откидной столик рядом с больничной койкой.

Лу Ао подпёр щёку ручкой, опершись на столик, и продолжил размышлять.

Цзян Чжиюй снова спросил:

— Ты что, изображаешь «Мыслителя»?2

Примечание 2: «思想者» (Chénsīzhě) — это китайское название знаменитой скульптуры Огюста Родена «Мыслитель», изображающей сидящую фигуру, подпирающую голову рукой.

Лу Ао очнулся от раздумий и громко запротестовал:

— Вовсе нет!

— Значит, это пухлость твоих щёчек так мешает, что ты не можешь их удержать? —

подразнил его Цзян Чжуй.

— Тем более нет! — ещё громче ответил Лу Ао. Немного помедлив, он всё же убрал руку.

Цзян Чжуй сел напротив него:

— Ты же только что в игровой комнате так веселился? Сяо Бай даже пожелал тебе каждый день быть счастливым. Что-то случилось? Можешь рассказать папе?

— Не могу! — категорично отказался Лу Ао.

Как же он может спросить Цзян Чжуйя, почему на часах его не найти? Этот вопрос слишком глупый.

— Ну что ж, ладно, — Цзян Чжуй протяжно вздохнул. — Тогда продолжай хмуриться и превращайся в маленькую сушёную сливу!

Лу Ао нахмурился:

— Какую ещё маленькую сушёную сливу?

— Ты всё время так хмуришь своё личико, морщинки появляются, ну прямо как на сушёной сливке! — объяснил Цзян Чжуй, подняв два пальца в знаке «V» и разгладив ими нахмуренный лобик сына. — Кисленькая сушеняшка, солоноватая сушеняшка, сморщенная сушеняшка<sup>3</sup>. Вот папа захочет тебя поцеловать, а у него от твоей кислинки зубы заболят, иииии! — Цзян Чжуй схватился за щёку, будто его и вправду скосила зубная боль.

Примечание 3: 小梅子 (xiǎo huàméi) — маленькая сушеная слива, популярная китайская закуска, известная своим кисло-соленым вкусом и сморщенной поверхностью.

Лу Ао молча смотрел на эту сцену, но всё же покорно перестал хмуриться, разгладив лоб.

— Ну вот, теперь хорошо. Отлично! Теперь ты превратился в идеальное маленькое перепелиное яйцо без скорлупы, без единой морщинки! — радостно объявил Цзян Чжуй.

— Я что, не могу быть просто нормальным ребёнком? — спросил Лу Ао.

То сушёная слива, то перепелиное яйцо. Так как же он, по мнению Цзян Чжуйя, выглядит на самом деле?

Цзян Чжуй весело рассмеялся и погладил его по головке:

— Не хмурься. Не только сяо Бай, но и папа хочет, чтобы ты был счастлив.

В этот момент подошёл Лу Синъюань с едой:

— Сяо Юй, Лу Ао, можно кушать

— Хорошо, — отозвался Цзян Чжуй. — Я принесу приборы. Аоао, иди мой ручки.

— Ага, — Лу Ао слез с кровати и послушно отправился в ванную мыть руки.

На обед были простые блюда: рис, жареная говяжья вырезка и овощи, которые приготовил дедушка Чжан, нежный паровой яичный пудинг, а Лу Синъюань ещё сварил суп с

фрикадельками, который хотел Цзян Чжиюй — вот и весь обед.

Лу Ао стоял перед детской раковиной и смотрел на своё отражение в зеркале.

После того как Цзян Чжиюй его отвлек, ему действительно стало легче.

Какой бы ни стал мир после перерождения, ему предстоит жить здесь. Сколько бы загадок ни ждало разгадки, однажды истина всё равно откроется. Ему нужно просто идти вперёд, следуя своей цели.

Полный решимости, Лу Ао крепко сжал кулачки.

— Аоао, опять перед зеркалом красуешься? — донёлся голос Цзян Чжиюя, проходившего мимо с тарелками и палочками.

Лу Ао резко обернулся, бросился вперёд и упёрся лбом в его ногу:

— Вовсе нет!

— Тогда, наверное, любишься или воображаешь! Ха, я просто молодец, столько слов придумал! — Цзян Чжиюй и сам начал «красоваться». — Аоао, ну-ка, придумай и ты словечко для папы.<sup>4</sup>

Примечание 4: Очередная игра слов. «Красуешься», которое использует Цзян Чжиюй в прошлой фразе, это «臭美» (chòuměi) разговорное выражение, означающее «любоваться собой», «кокетничать», «быть самовлюбленным». А дальше он придумывает с первым иероглифом 臭 из первого слова ещё два: «臭臭» (chòushuài) и «臭屁» (chòupì). Цзян Чжиюй играет с приставкой «臭» (chòu), которая в разговорном китайском часто добавляется к словам для придания пренебрежительного, но часто ласково-шутливого оттенка, указывая на излишнюю демонстративность чего-либо; грубоватость выражений с этой приставкой проще всего перевести эпитетом «вонючий».

— Во... — начал Лу Ао. Он почти выпалил, что Цзян Чжиюй — «вонючка-папа». Но... он не смог. Ему было жалко.

Он потянулся за Цзян Чжиюем, ухватившись за его брючину, и послушно зашагал следом.

Затем он повернул голову, и его взгляд упал на Лу Синьюаня:

— Во...

Лу Синьюань, казалось, уловил его мысль и строго посмотрел на него:

— Что ты там хотел сказать?

Подавленный грозной аурой Большого Босса, Лу Ао невольно прижался к ногам папы.

Ладно уж, не буду я придумывать словечки. А то этот «Вонючий Лу Синьюань» схватит меня и отшлёпает!

\*\*\*

Настроение Лу Ао было переменчивым, как погода. Утром было ясно и безоблачно, а к полудню сгустились тучи.

Но вскоре папа разогнал тучи, и он снова повеселел.

Так и прошёл день.

Этим вечером Цзян Чжиюй снова пришёл в палату в пижаме, с подушкой и одеялом в руках. Лу Ао, только что вымывшись, увидел его входящим и сразу всё понял.

Папа снова пришёл спать со мной!

Однако нельзя было показывать, что он слишком рад. Нужно сохранять достоинство. Поэтому он оказал символическое сопротивление:

— Цзян Чжиюй, я уже выздоровел, со мной ничего не случится.

— Нельзя, врач ещё не объявил, что ты полностью здоров.

— Но я вчера ночью не убежал.

— Вчера ночью этого не случилось, потому что мы с большим папой за тобой следили. Иначе ты бы давно сбежал.

— Ну... ладно уж...

Дело не бывает больше трёх раз, и отказов тоже не должно быть больше трёх.<sup>5</sup>

Примечание 5: «三三三» (shì bù guò sān) — китайская поговорка, означающая «хорошего понемножку», «всему есть мера», буквально «дело не должно превышать трех раз».

Лу Ао прочистил горло, подвинулся на кровати, освобождая место для Цзян Чжиюя:

— Кхм-кхм... Залезай.

Цзян Чжиюй положил подушку и одеяло, но сказал ему:

— Аоао, ты ошибся.

Лу Ао резко поднял голову

— М-м?

Мрачное предчувствие сжало его сердце.

— Папа был с тобой прошлой ночью, так что сегодня вечером...

Не успел он договорить, как в дверях палаты появился Лу Синьюань. На нём была пижама с Вудстокомб — в пару к пижаме Цзян Чжиюя. Его одежда была детской, но сам он был высок и строен, его лицо оставалось бесстрастным, а голос — ледяным:

— Сегодня вечером — я.

Примечание 6: Вудсток, маленькая желтая птичка, лучший друг Снупи.

Ааа?! Лу Ао был потрясён. Разве не Цзян Чжиюй должен был спать с ним? Он уже настроился, почему вдруг сменили человека?

Он не хочет спать с Лу Синьюанем! Ни за что не станет спать со своим «врагом попы»!  
Никогда!

На этот раз Лу Ао даже не успел сбежать — Лу Синьюань схватил его за воротник рубашки и притянул обратно.

Сила Лу Синьюаня была в разы больше, чем у Цзян Чжюя! Он одним движением откинул одеяло, засунул Лу Ао под него, затем лёг рядом, крепко обхватив его за плечи. Лу Ао отчаянно вырывался, чувствуя себя в железных тисках, не способный пошевелиться.

Отец и сын лежали рядышком. Лу Синьюань, крепко прижимая Лу Ао и зажав ему рот, подарил Цзян Чжюю уверенную улыбку:

— Сяо Юй, не волнуйся, я позабочусь о сыне.

Настоящая картина «отцовской доброты и сыновней почтительности»!

Хотя и наигранная. Хотя ноги Лу Ао яростно лупили Лу Синьюаня под одеялом — настоящее Колесо Ветра и Огня!<sup>7</sup> «Отпусти! Отпусти же меня!»

Примечание 7: 无极功 - Wújí Fēnghuǒlún, приём кунг-фу.

Цзян Чжюй был тронут. Он погладил Лу Ао по голове и поправил уголок одеяла.

Лу Ао смотрел на него в немом ужасе: «Ааа! Цзян Чжюй, ты что, не видишь, что меня взяли в заложники?! Спаси меня!»

Наконец Цзян Чжюй послал им воздушный поцелуй на ночь и грациозно развернулся, чтобы уйти:

— Спокойной ночи, до завтра.

— Спокойной ночи, — ответил Лу Синьюань, ловя поцелуй рукой и не собираясь делиться ни каплей с Лу Ао.

Лу Ао всё ещё молотил ногами в отчаянной борьбе: «Не уходи! Цзян Чжюй, не уходи!»

Щёлк! Свет погас, дверь закрылась.

Лу Ао рухнул на кровать, лишившись воли к жизни:

— Я хочу спать с папой...

Лу Синьюань невозмутимо ответил:

— Я и есть твой папа.

— Я говорил про другого папу.

— Нельзя. Спи, — ответил Лу Синьюань, отдернув руку и попытавшись повторить ласковый похлопывающий жест Цзян Чжюя.

Но он не рассчитал силу. Лу Ао схватился за грудь, чувствуя, будто вот-вот извергнет фонтан старой крови... то есть, по меркам малыша, «маленькой крови».

— Ты... ты хотел меня прихлопнуть?! Я пошёл к папе! — завопил Лу Ао, пытаясь вырваться.

— Вернись. Не говори папе, — Лу Синьюань поймал его. Ни в коем случае нельзя, чтобы сяо Юй узнал — он его прибьёт!

Он прижал Лу Ао обратно к кровати, попытался растереть ему грудь, но малыш яростно оттолкнул его руку.

Лу Ао развернулся к нему спиной, отполз к самому краю кровати, подальше от Лу Синьюаня. Вот так! Мой протест и полное неодобрение!

— Ты в порядке? Позвать врача? — спросил Лу Синьюань.

— Не надо, — упрямо буркнул Лу Ао, не оборачиваясь, весь его силуэт излучал непокорность. — Просто держись от меня подальше! От твоих похлопываний вообще не больно! Совсем!

— Хорошо.

И Лу Синьюань действительно оставил его в покое. Ни звука, ни движения — казалось, он уже спит.

«Ну конечно! Холодный и бессердечный большой папа! Малыш так страдает, а он спокойно спит!» — мысленно ругался Лу Ао, стиснув зубы.

Лежать на боку долго было неудобно — плечо заныло. Лу Ао потерпел немного, но в конце концов не выдержал и осторожно, подтягивая одеяло, перевернулся на другой бок.

И как только он перевернулся, его взгляд в темноте встретился со взглядом Лу Синьюаня:

— Ещё болит?

Лу Ао вздрогнул от неожиданности. Оказывается, он не спал!

Да у него чуть сердечный приступ от неожиданности не случился!

— Давно прошло! — буркнул Лу Ао, делая вид, что всё в порядке. Хотя... у большого папы всё же есть совесть, раз не уснул.

Но в следующее мгновение Лу Синьюань строго предупредил:

— Тогда не смей ябедничать сяо Юю.

— Знаю я! Я же не ябеда-корябеда, не сплетник! — фыркнул Лу Ао, обиженно скрестив ручки на груди.

«Сяо Юй да сяо Юй! Весь только о нём и думает! А я-то ведь малыш!»

Он потёр плечо и снова повернулся спиной.

Отец и сын спали, отвернувшись друг от друга. Казалось, между ними пролегла широкая река<sup>8</sup>. Лу Ао обнял сам себя, зарывшись под одеяло, с выражением полной безысходности на личике.

Примечание 8: «□□» (Yínhé) — Млечный Путь, здесь метафора огромной дистанции и

непонимания.

«Вот и правда, хороший папа познаётся в сравнении. На фоне Лу Синъюаня Цзян Чжюй лучше в сто раз!»

«Ууу, как же я хочу спать с Цзян Чжюем! Он бы обнял меня, похлопал, напел свою дурацкую колыбельную... Объятия Цзян Чжюя такие тёплые, движения такие нежные... а голос... ужасен».

«Но даже такой противный, он особенный. Зря я упрявился! Больше не буду упрявиться! Папа, спаси меня скорее...»

Нет! Что хочется — нужно брать самому! Сам пойду искать папу!

Набравшись смелости, Лу Ао на цыпочках приподнял одеяло и уже собрался слезть с кровати, как вдруг Лу Синъюань схватил его за воротник, и повисший в воздухе малыш слегка покачивался.

— Куда? — прозвучал спокойный, но не терпящий возражений голос. — Спи спокойно.

<http://bllate.org/book/13911/1225882>Главному злодею снова три с половиной года [□] □: Глава 20. Тест на IQ

Yánchéng Tàishòushēng

Отцовская любовь — это широкая галактика, раскинувшаяся на тысячи ли. Лу Ао на одном берегу, Лу Синъюань — на другом. Двое лежали спиной друг к другу, тихо и чинно на боку: одна рука — на подушке, другая — на теле, ноги переплетены и слегка согнуты. Даже позы для сна — точь-в-точь одинаковые.

Когда следующим утром, в шесть часов, Цзян Чжюй приоткрыл дверь палаты и заглянул внутрь — его взору предстала именно эта картина.

Одного взгляда хватило, чтобы Цзян Чжюй погрузился в молчаливое созерцание.

Что происходит? У них что, взаимная аллергия? Стоит им коснуться друг друга — и тут же взорвутся? Ладно, не будем требовать слишком многого. Наверное, так и выглядит их... способ сосуществования. Не понимаю, но уважаю.

Цзян Чжюй уже собрался было тихонько прикрыть дверь и пойти досыпать, как вдруг...

...маленькая фигурка Лу Ао на кровати судорожно дёрнулась.

Похоже, он хотел перевернуться. Но он и так уже спал на самом краю кровати. Если он перевернётся сейчас...

— Аоао! — Цзян Чжюй вскрикнул и бросился вперёд. — Лу Синъюань, твой сын сейчас упадёт!

Но он был слишком далеко. Он мог лишь смотреть, как Лу Ао медленно, неотвратно сползает вниз, вниз...

В последний момент Лу Синъюань, лежавший за спиной Лу Ао, протянул руку. Он схватил одеяло, в которое был завернут малыш, и натянул его, словно гамак, поймав падающего Лу Ао.

Как будто поднимая маленькую сумочку, он легко подтянул его обратно на кровать.

Лу Ао, кажется, что-то почувствовал. Он лишь хныкнул во сне, судорожно дёрнул ножкой и... спокойно заснул дальше.

Лу Синьюань открыл глаза и встретился с ещё полным ужаса взглядом Цзян Чжиюя.

Цзян Чжиюй наконец выдохнул, прижимая руку к груди:

— Чуть не умер от страха! Почему вы двое так спите?

Лу Синьюань сел, объясняя:

— Лу Ао отказывался спать рядом со мной, настоял, что будет именно так. Что мне оставалось? Пришлось уступить. Не волнуйся, сяо Юй, он не упадёт. Я слежу, и диван поставлен рядом с кроватью.

Услышав это, Цзян Чжиюй наконец заметил маленький диванчик, который Лу Синьюань пододвинул вплотную к кровати, создав надёжный барьер. Даже если бы Лу Синьюань не успел вовремя схватить Лу Ао, малыш просто упал бы на диван — без всякого вреда.

Цзян Чжиюй беспомощно вздохнул:

— Совсем не понимаю вас двоих. Неужели нельзя жить в мире и согласии, как я с Аоао?

«Нельзя», — трезво мыслящий Лу Синьюань и спящий Лу Ао ответили про себя одновременно.

Конечно, Лу Синьюань никогда бы не произнёс этого вслух.

Он лишь улыбнулся уголком губ и потянул Цзян Чжиюя за руку, усаживая его на край кровати:

— Почему так рано сегодня?

— Встал в туалет и решил проведать вас. Чуть не умер от шока.

— Моя вина, — Лу Синьюань мягко похлопал Цзян Чжиюя по груди.

Спящий под боком Лу Ао недовольно хмыкнул во сне: «Так ты умеешь похлопывать легко?! А вчера мне вlepил со всей дури! Лу Синьюань, я на тебя пожалуюсь! Ты меня дискриминируешь!»

Услышав хныканье Лу Ао, Цзян Чжиюй тут же прикрыл ладонью рот Лу Синьюаня, боясь разбудить малыша. Лишь когда звуки стихли и сон снова поглотил мальчика, он убрал руку.

— А теперь? — тихо спросил Лу Синьюань. — Пойдёшь досыпать? Или позавтракаем? Что хочешь на завтрак? Приготовлю.

— М-м... — Цзян Чжиюй задумался. — Продолжу спать. Но не у себя.

Лу Синьюань нахмурился, не понимая. Цзян Чжиюй весело вскочил на ноги и откинул одеяло, накрывавшее Лу Синьюаня.

Теперь Лу Синьюаню всё стало ясно. Цзян Чжиюй хотел спать здесь.

Он скинул тапочки и бесшумно вскарабкался на кровать. Лу Синъюань же протянул руки, поддерживая его и помогая улечься поудобнее.

Лу Синъюань лёг на спину. Цзян Чжуй обвил его руками и ногами, словно маленькая коала. А Лу Ао, почувствовав знакомое тепло, неосознанно придвинулся поближе, как совсем крошечная коала, прильнув к спине папы.

Хорошо, что руки у Лу Синъюаня были длинные: он и обнял супруга, и ладонью притянул к себе сына.

До этого момента никто не мог и представить, что одна больничная койка способна вместить целое семейство. Пусть и тесновато, но вполне сносно.

Цзян Чжуй и так еле держался, чтобы не поддаться сонливости. Зарывшись в объятия Лу Синъюаня и закрыв глаза, он заснул меньше чем через пять минут. Лу Синъюань опустил взгляд, наблюдая за его профилем, мысленно считая ресницы, загнутые, как маленькие крючочки. Ему это вовсе не наскучивало.

В палате воцарилась тишина. Минуты текли в безмятежном покое.

\*\*\*

Часы на стене тикали: тик-так, тик-так.

Шесть утра — небо серое, смутные очертания за окном.

Семь — солнце поднялось.

Восемь — всё более слепящие лучи пробивались сквозь шторы, заливая кровать.

Одеяло было слишком толстым. Рядом — один горячий живой «обогреватель». А теперь ещё и солнце.

Лу Ао нахмурил личико, явно недовольный.

Жарко! Как тут можно быть таким жарким?!

Тесно! И кровать вдруг стала такой маленькой? Неужели Лу Синъюань такой громадный?

Он с трудом пришёл в себя, протёр глазки. Увиденная картина повергла малыша в шок. Двое взрослых — Лу Синъюань и Цзян Чжуй — обнимались, устроившись на его больничной койке!

Цзян Чжи! Юй!

Когда ты сюда припёрся?!

Ладно, припёрся — и ладно! Но почему ты меня не обнимаешь?!

Не обнимаешь меня — ну и чёрт с тобой! Но зачем ты обнимаешь моего врага?!

Это МОЯ кровать! Ты МОЙ папа! Как ты мог так со мной поступить?!

А ты, Лу Синъюань! Разве ты пришёл спать со мной? Зачем тогда притащил сюда жену?!

Кому ты на самом деле пришёл составить компанию?!

Вы оба... вы оба просто издеваетесь над малышом!

Ярость вспыхнула в нём мгновенно. Лу Ао окончательно проснулся, вскочил на кровати и, подняв ручонку, отвесил две звонкие пощёчины — хлоп! хлоп! — по щекам Цзян Чжияю и Лу Синьюаня.

Расцепляйтесь! Вон отсюда! С моей кровати!

Ласкаться — так на улице! Я же ещё несовершеннолетний малыш!

Цзян Чжияю вскрикнул: «Ай!» — схватился за щёку и в полусне открыл глаза:

— Больно... Кто меня ударил? Лу Синьюань, это ты?

— Не я. Меня тоже стукнули, — ответил Лу Синьюань, поворачивая его голову в сторону Лу Ао.

Лу Ао стоял на кровати, уперев ручонки в бока, выпятив животик. На его маленьком личике явно отражался бушевавший в нём праведный гнев: «Я! И что с того?!»

— Аоао, проснулся?

Лу Ао упрямо молчал.

— Вчера вечером без тебя я совсем не мог уснуть, вот и пришёл к вам. Но ты спал так крепко... Папа не хотел тебя будить, потому и не позвал. Ты разозлился? — Цзян Чжияю потёр свои и Лу Синьюаня щёки, глядя на сына жалобными глазами.

Лу Ао продолжал сжимать губы, отказываясь говорить. Злится! И на эти уловки он не купится...

Но в следующее мгновение рука вдруг протянулась и крепко обхватила Лу Ао.

— Малыш, злись не злись — бесполезно! Малыши созданы для того, чтобы спать вместе с папой и большим папой! — весело провозгласил Цзян Чжияю.

— Цзян Чжияю! Ай! — взвизгнул Лу Ао, пытаясь вырваться.

— Хи-хи-хи! Муа-ха-ха-ха! — Цзян Чжияю расхохотался, словно мелкий злодей из мультика.

Лу Синьюань оставался рядом, молча улыбаясь, словно главный злодей.

Бедный малыш отчаянно вырывался, работая и ручками, и ножками, но в конце концов его всё равно втянули обратно под одеяло.

По...мо...гите...

\*\*\*

Втроём они возились на кровати добрых полчаса. Лишь когда дедушка Чжан приготовил завтрак и начал торопить их из коридора, они нехотя поднялись.

Поскольку встали все одновременно, то и в ванной комнате оказались втроём, умываясь

вместе.

Лу Ао стоял перед раковиной, сжимая в кулачке свою маленькую зубную щётку, яростно шурша ею по зубам.

Цзян Чжуйюй, стоя рядом, мягко предупредил:

— Аоао, твои молочные зубки не нужно чистить так яростно.

Лу Ао не ответил. Надув щёки, он с силой выплюнул пену: «Пфф!» Он яростно прополоскал рот, с размахом открыл кран и мощной струёй воды смыл пену!

В его глазах эта пена была олицетворением ненавистного папы!

Цзян Чжуйюй вздрогнул от такого напора, прижал руку к груди и молча отодвинулся подальше.

Страшновато.

После умывания можно было завтракать.

На завтрак дедушка Чжан приготовил суп с говядиной и лапшой, а ещё купил хрустящие паровые булочки с начинкой<sup>1</sup>.

Примечание 1: 烧卖 (shuǐjiānbāo) — булочки из дрожжевого теста с начинкой. Обжаривают низ в масле до золотистости, заливают водой, накрывают крышкой и тушат до испарения жидкости. Получается хрустящая корочка внизу, мягкий верх и сочная начинка.

Втроём они уселись за журнальный столик. Лапша была скользкой, и Лу Ао никак не мог ухватить её палочками, поэтому ел вилок. Он не забывал о своей цели: яростно засовывал в рот большие порции лапши.

Он будет закалять тело! Чтобы больше никогда не терпеть издевательств от папы и большого папы!

Во время еды Цзян Чжуйюй вдруг сказал:

— Кстати, Аоао, позже папа и большой папа отведут тебя кое-куда.

— Куда? — Лу Ао поднял голову с каменным лицом. — Опять к Гу Баю играть?

— Нет, сегодня не к сяо Баю, — ответил Цзян Чжуйюй. — Помнишь, я говорил тебе на днях про тест на IQ? Сегодня как раз подошла наша очередь. Вот и пойдём тестироваться.

Лу Ао широко раскрыл глаза от неверия:

— И почему ты не сказал раньше?!

— Разве сейчас не рано? Тест в десять утра, а сейчас только восьмой час.

— Не в этом дело! Я о... о том, что...

Если бы он знал, что сегодня тест на IQ, он бы подготовился заранее! Читал бы книги, газеты, смотрел новости, больше спал! Он бы не тратил время на дурацкие игры с папой и большим папой!

Лу Синъюань уловил его мысли и строго сказал:

— Тест на IQ как раз и измеряет твои способности в обычных условиях. Не пытайся судорожно готовиться в последний момент<sup>2</sup>.

Примечание 2: «临阵磨枪» (línshí bào fújiǎo) — идиома, буквально «в критический момент обнимать ноги Будды», означает поверхностную, паническую подготовку в последнюю минуту.

— Я и не пытаюсь! — надул губы Лу Ао.

Он просто считал... что его двадцативосьмилетнее «я» должно быть умнее трёхлетнего. Разница в тридцать баллов — разве это проблема?

Лу Ао опустил голову, поглощал лапшу и мысленно лихорадочно повторял...

Стихи по китайскому! «Перед кроватью лунный свет...»

Английский алфавит! «A B C D E F G...»

Сложение и вычитание! Один плюс один — два, два плюс два — четыре, три плюс три — ...

Под это мысленное бормотание Лу Ао Цзян Чжуй и Лу Синъюань вывели его из палаты.

В частной клинике «Цыай» как раз был центр тестирования IQ для детей. Идти далеко не пришлось: свернули налево от стационара, и через десять минут были на месте.

Когда они прибыли, дверь кабинета специалиста была закрыта — внутри, видимо, кто-то был. А на скамейке в коридоре сидел Гу Бай и, скучая, болтал ножками.

Увидев семью Лу Ао, Гу Бай оживился. Он опередил даже медсестру на ресепшене, стрелой помчавшись им навстречу.

— Аоао, доброе утро! Дядя Цзян, дядя Лу, доброго утрачка!

— Сяо Бай, привет! — улыбнулся Цзян Чжуй. — Ты тоже здесь?

— Угу, — кивнул Гу Бай. — Папа и большой папа привели меня тестировать IQ.

Оказывается, Гу Бай записан перед ними! Соревновательный дух Лу Ао вспыхнул. Он сжал кулачки. Вот чёрт! Он не позволит никому быть впереди него!

Медсестра пояснила:

— Специалист сейчас беседует с родителями этого малыша. Примерно через пять минут освободится. Можете пока посидеть с ребёнком в коридоре.

— Хорошо, спасибо, — ответил Цзян Чжуй.

Он обернулся, собираясь увести Лу Ао и Гу Бая к скамейке, но тут заметил, что Лу Ао сам подошёл к Гу Баю.

И засыпал его вопросами:

— Гу Бай, как ты сдал? Сколько вопросов ответил правильно? Ты знаешь, сколько будет один

плюс один? Думаешь, ты маленький гений?

<http://bllate.org/book/13911/1225883>

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/17729/1662030>